

Александр Рудазов

ВЛАСТЕЛИН

Москва
T8 RUGRAM
2021

УДК 82-312.9
ББК 83.3(2)
P83

Рудазов, А.

P83 Властелин / А. Рудазов — М.: Т8 Издательские технологии / RUGRAM, 2021. — 354 с.

ISBN 978-5-521-74122-9

Далеко-далеко на просторах Парифата раскинулась Империя Зла. А в самом ее сердце стоит Цитадель Зла, и правит в ней Темный Властелин. По всему миру рассылает он свои Легионы Страха, и застилают небо крылья его драконов. Весь мир дрожит при одном упоминании его имени. Многие герои бросали ему вызов, но никто еще не преуспел. Все либо сложили головы, либо бежали с позором. Говорят, кое-кто все-таки побеждал — да мимолетной была победа, эфемерной. Возвращался Темный Властелин сильнее прежнего — и пуще прежнего творил злодеяния.

Но зажегся слабый лучик надежды, когда в одной тихой деревушке выловили из реки человека, что не помнил своего имени...

УДК 82-312.9
ББК 83.3(2)
BIC FLC
BISAC FIC009000

ISBN 978-5-521-74122-9

© Александр Рудазов, 2021
© Т8 RUGRAM, оформление, 2021

*О Повелитель сущего всего,
Бесценными дарами нас даящий,
Господь, творящий всё из ничего,
Неведомый, всезнающий, устрашающий,
И милосердный, и немолчимый,
Неизреченный, и непостижимый,
Невидимый, извечный, необъятный,
И ужасающий, и благодатный,
Непроницаем Ты, неосязаем,
И безначален Ты, и нескончаем,
Ты — то единственное, что безмерно,
Что в мире подлинно и достоверно,
Ты — то, что нам дает благословенье.
Ты — полдень без заката, свет без тени...*

Григор Нарекаци

Г Л А В А 1

Человек, имени которого никто не знал, приплыл в деревню по реке. Плыл он не на лодке и не на плоту, а просто по течению, да еще и лицом вниз. Вначале его приняли за труп. Но когда этот «труп» вытащили на берег и перевернули, он открыл глаза и выплюнул целое ведро воды.

Еще он выплюнул маленькую плотвичку, но это уже не существенно.

В деревне Озерные Ключи подобные события происходили нечасто. Уже через полчаса у дома старосты собралась большая часть населения. Четыреста с небольшим жителей столпились на улице и во дворе, а отдельные счастливицы ухитрились пролезть даже внутрь, скромно рассевшись по лавкам.

Удивительного человека рассматривали всем миром — ахали, перешептывались. Очень уж он отличался от всех, кого добрые жители Озерных Ключей когда-либо видели. Даже коробейник Морзюн никогда не встречал никого похожего — а уж он-то повидал мир. Бывал и в Дубках, и в Красной Сосне, и на Храмовой Горке, и в самой столице — громадном городе, до которого даже верхом ехать дольше трех дней.

Что же такого необычного было в этом человеке? Внешность. Прежде всего — внешность. Широкоплечий, с неохватными бицепсами стальной твердости и кожей цвета старой бронзы. Лицо тоже запоминающееся — черты резкие, словно вырублены из гранита, надбровные дуги очень мощные, взгляд черных глаз острый и пронзительный, брови удивительно густые, подбородок тяжелый, сильно выдающийся вперед, а чернильно-черные волосы такие длинные, что похожи скорее на конскую гриву. Деревенские — почти сплошь русые, стриженные под горшок — очень дивились таким волосам.

Но особенно поражал рост незнакомца. Невероятный рост. Почти семь с половиной локтей¹ — ему пришлось пригнуться, чтобы войти в дом старосты. Даже деревенский кузнец Валух уж на что редкий дылда, но и то оказался на голову ниже.

Вдобавок на груди спасенного из реки обнаружился обширный застарелый рубец, похожий на след от ожога. Такое могло получиться, если на кожу щедро плеснули кипящего масла. Все хорошо рассмотрели этот рубец, поскольку одежды на незнакомце не было вовсе.

Однако внешность оказалась не самым удивительным в этом человеке. Он, как выяснилось, еще и ничего о себе не помнил! Совершенно ничего — не помнил, кто он такой, откуда взялся, как его зовут, чем он занимается.

— Но неужели ты совсем ничего не помнишь? — упорно допытывался староста Бурзюк. — Совсем-совсем ничего?

— Совсем ничего, — виновато улыбался незнакомец.

— Но хотя бы имя?

— Нет, не помню даже имени. Простите.

— Что должно случиться, чтобы человек забыл свое имя? — проворчала старостиха Халка.

¹ Парифатский локоть — 28,35 см.

— И то, и то! — покивал дед Лобрюх. — Вот меня хоть среди ночи разбуди, спроси — как тебя зовут! Отвечу же в тот же миг, да верно отвечу, без запинки! А тут...

— Нехорошее дело, видно, с тобой случилось, — посочувствовал незнакомцу староста. — Но раз уж ты не помнишь даже имени, мы пока что будем тебя называть... ээ... Никто. Ты не возражаешь?

— Пожалуйста, — развел руками новонареченный Никто. В деревне Озерные Ключи жили добрые, приветливые люди. Едва они убедились, что по реке к ним приплыл не разбойник, не злобный тать, а повредившийся головой бедняга, как сразу же принялись о нем заботиться.

Старостиха усадила гостя за стол, насыпала огромную миску борща и сунула в руку деревянную ложку. Тем временем другие сердобольные тетки натащили тряпок и сварганили здоровенному Никто какую-никакую одежду. Кузнец Валюх тоже поделился ненужными вещами — он оказался в деревне единственным, чья безрукавка и порты пришлись Никто почти впору. Их лишь самую малость пришлось расставить.

Пока Никто деликатно хлебал наваристый борщ старостихи, ее муж и другие старики рассказали, что он находится на северо-западе королевства Ривения, которым правит добрый король Кайнаретралий Одиннадцатый. Ривения — самое лучшее место на свете. Здесь уже сто лет не было ни одной войны, разбойники — огромная редкость, урожаи каждый год обильные, а налоги взимают совсем маленькие.

— Ривения?.. — наморщил лоб Никто. — Никогда не слышал. Где она находится?

— На северо-востоке Кармингара, — ответил Мурюз, самый умный человек в деревне, совмещающий обязанности жреца, лекаря и учителя.

— Кармингара?..

— Это такой континент, — пояснил Мурюз. — Ты знаешь, что такое «континент»?

Никто кивнул. Это он действительно знал.

— А читать ты умеешь?

— Точно не знаю. Надо попробовать.

Старостиха тут же достала с полки пухленькую книжку, заляпанную жирными пятнами — зачитанную до дыр «Домохозяйку». Никто раскрыл ее на первой странице и стал уверенно читать — это получалось у него легко и быстро.

— А счет знаешь? — продолжал любопытствовать жрец. — Сколько будет двенадцать помножить на пятнадцать?

— Сто восемьдесят, — чуть промедлив, ответил Никто.

— Молодец, правильно, — похвалил Мурюз, словно перед ним был один из детей, отвечающих урок. — Значит, что есть «континент», ты знаешь. А какие в мире есть континенты, знаешь?

Здесь Никто помотал головой. Он не помнил ни одного имени, ни одного названия — только обычные слова, которые пишутся с маленькой буквы.

Да и то не все.

— А как называется сам мир, помнишь?

— Не помню. Как?

— Парифат. Мир называется Парифатом. А какой сегодня день, знаешь?

— Не знаю.

— Луна?.. Год?..

— Не знаю. Какой?

— Сегодня день Глиняного Вепря тысяча пятьсот десятого года, — наставительно произнес Мурюз. — Ты вообще календарь знаешь? Какой день будет завтра?

— Ну все, все, оставь бедняжку! — замахала на жреца старостиха. — Пристал тут! Давай поесть спокойно!

— Думаю, я уже сыт, — утер губы Никто. — Благодарю вас, тетушка.

— Ну и иди тогда спать! И вы все расходитесь, поздно уже! Что вам мой дом — двор проходной?! Идите в харчевню, там языками чешите!

Гостю постелили на сеновале — ни на одной кровати в доме он попросту не поместился. Впрочем, Никто не возражал. На лежанке из прошлогоднего сена спалось мягко и уютно, а погода стояла такая теплая, что ночевать можно было хоть на улице.

Утром Никто проснулся раньше всех. Даже солнце еще не встало — лишь над горизонтом виднелось слабое мерцание, возвещающее о грядущем рассвете. Стараясь не разбудить хозяев, их огромный гость на цыпочках прошел по двору и принялся умываться возле кадки.

В темной воде отражался все тот же великан с могучими ручищами, чеканным лицом и копной черных волос. Расстегнув рубаху, он задумчиво уставился на кляксообразный рубец, занимающий добрую половину груди. Никто понятия не имел, откуда у него это взялось. В голове смутно что-то брезжило — какой-то страшный грохот, вспышка... потом вроде бы падение... Никто наморщил лоб — ему казалось, что он вот-вот вспомнит...

— Уже проснулся, гость дорогой? — окликнул сзади староста. — Молодец, ранняя птаха. Тоже, видать, деревенский. Вот о прошлом годе гостил у нас один халат из большого города, так этот дрых каждый день чуть не до третьего рассветного! Вот ты представляешь, чтоб человек мог столько спать?

Никто молча помотал головой. Он не представлял.

— А как сам-то? — не унимался словоохотливый староста. — Хорошо спалось? Ты уж извини, что сенца мало было — весна все-таки, скотина за зиму все подъела... Ничего о себе не вспомнил?

— Нет, ничего. Ни имени, ничего. Не помню даже, кем я был...

— Ну, рост у тебя великанский, ручищи широченные, да еще ожог этот... Может, ты кузнецом был?

Никто попытался представить себя в кузнечном фартуке, у наковальни, с молотом и клещами в руках. Не получилось. Если до потери памяти он что-то и ковал, то сейчас этого упорно не вспоминалось.

— Может, ты тогда был пахарем? — предположил староста.

Никто попытался представить себя идущим за плугом по свежей борозде. Снова ничего не получилось. Крестьянская жизнь вообще не находила в памяти никаких откликов.

— А может, ты был пастухом?

Никто попытался представить себя с кнутом, погоняющим отару... и вот тут в голове забрезжило что-то знакомое. Ладонь сама собой сомкнулась, как будто сжимая невидимое кнутовище.

— Вот и ладненько, — удовлетворенно кивнул староста. — Раз уж так получилось, будешь пока что овечек пасти. Чего зря хлебушек-то есть, верно? У нас пастуха сейчас как раз нету — дедко Музюх этой зимой помер, так что пока кое-как перебиваемся... да и волки что-то расшалились, житья от них нет. Подсобишь, парень?

Никто пожал плечами. Он все равно не знал, чем заняться и куда пойти. Брести в случайном направлении и надеяться, что память вдруг вернется, не очень хотелось — ну так почему бы не остаться пока в деревне Озерные Ключи, среди этих гостеприимных людей? А жить нахлебником, староста верно говорит, не очень-то хорошо.

Работать Никто отправился уже в этот день, сразу после завтрака. Собрал по дворам овец и баранов, заткнул за пояс тяжелый кнут, которым раньше орудовал старый Музюх,